

УДК 316.74:001

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Природа «сдвига» власти и управления в когнитивном обществе: концептуальный аспект

Г.В. Смолонский✉

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉SGV-070@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта природа трансформационных процессов, происходящих в когнитивном обществе начиная с последней трети XX в. Обоснована роль знания в трансформациях подобного рода в сферах власти и управления. Показано, что изменение статусной роли знания, превращенного в доминирующий ресурс общества знания, создает предпосылки возникновения результативных инновационных стратегий управления и власти. **Актуальность** обусловлена необходимостью формирования теории так называемого когнитивного общества – общества знания. Сегодня исследователи изучают его структуру и характеристики. Доминирующей в системе этих характеристик, полагают аналитики, является изменение статуса знания: оно превращено в базисный ресурс нового общества – общества, теория эволюции которого до сих пор не разработана. Исследовательская задача заключается в том, чтобы показать, что трансформация статуса знания, обретающего функции ресурса развития общества, ресурса власти и управления, является основным в понимании категориального конструкта «сдвиг власти и управления». **Методы:** системный комплексный анализ, позволяющий рассмотреть общество знания как ценность связей и отношений, историческая реконструкция, сравнительный анализ, прогнозирование. **Результаты:** в статье рассмотрена природа трансформации сфер власти и управления, произошедшей на рубеже XX–XXI вв. под влиянием нового статуса знания в когнитивном обществе. Обозначены конструктивные характеристики феномена «сдвиг власти и управления». Показано что, знание демонстрирует новый ресурсный статус в системе инновационного общества.

Ключевые слова: знания, информация, когнитивное общество, ресурс власти и управления, инновации как «креативный разрушитель», «сдвиг» власти и управления

Для цитирования: Смолонский Г.В. Природа «сдвига» власти и управления в когнитивном обществе: концептуальный аспект // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 2. – С. 125–132. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

UDC 316.74:001

DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

Nature of the “shift” of power and control in a cognitive society: a conceptual aspect

G.V. Smolonsky✉

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉SGV-070@yandex.ru

Abstract. The article reveals the nature of transformation taking place in the cognitive society, starting from the last third of the XX century. The role of knowledge in transformations of this kind occurring in the spheres of power and management is substantiated. It is shown that a change in the status role of knowledge, transformed into the dominant resource of a knowledge society, creates the preconditions for the formation of effective innovative strategies of management and power. **Relevance.** The need to form a theory of the so-called cognitive society, the knowledge society. Today, researchers are studying the structure of its design characteristics. Analysts believe, the change in the status of knowledge: it has been turned into the basic resource of a new society – a society whose theory of evolution has not yet been formed, is dominant in the system of these characteristics. Meanwhile, only by mastering such a theory a knowledge society can be managed effectively. The research task is to show how the transformation of the status of knowledge, which acquires the functions of a resource for the society development, a resource of power and management, is fundamental in understanding the categorical construct “shift of power and management”. **Methods.** Systemic comprehensive analysis, allowing us to consider the knowledge society as the value of connections and relationships, historical reconstruction, comparative analysis, forecasting. **Results.** The article examines the nature of the spheres of power and management transformation occurred at the turn of the XX–XXI centuries under the effect of the new status of knowledge in the cognitive society. The constructive characteristics of the phenomenon of “shift of power and control” are outlined. It is shown that knowledge demonstrates a new resource status in the system of an innovative society.

Keywords: knowledge, information, cognitive society, resource of power and control, innovation as a “creative destroyer”, “shift” of power and control

For citation: Smolonsky G.V. Nature of the “shift” of power and control in a cognitive society: a conceptual aspect. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 2, pp. 125–132. DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1837

В ходе исследования изменений, которые происходят в последнее время в эпистемологии и касаются вопросов ее связи и «общества знания», В.А. Лекторским введен конструкт «цивилизация знания» [1] как этапа социальной эволюции, когда знание обретает статус важнейшего ресурса.

Становление «цивилизации знания» хронологически совпало с явлением, в футурологической концепции О. Тоффлера обозначенным как «сдвиг власти». Но это, скорее, не просто «сдвиг власти», но и трансформация (посредством выхода знания на доминирующие позиции в качестве ресурса общества) средств и механизмов управления и власти. Вернемся к тем работам О. Тоффлера, где автор раскрывает свой футурологический концепт «сверхиндустриальной» цивилизации: это «Футурошок» (1970) [2], «Третья волна» (1980) [3], «Сдвиг власти. Знание, богатство и насилие на пороге XXI века» (1990) [4]. Обратим внимание на достаточно длительный срок, разделяющий появление блоков трилогии. Вероятно, это позволило О. Тоффлеру быть более осторожным в вопросах прогнозирования. В вышедшем в 1970 г. «Футурошоке» [2] автор пишет об ускоренных темпах происходящей в обществе трансформации – технологической, социальной. И только в работах 1980 и 1990 гг. Тоффлер напишет о возможностях управления этими трансформациями. Он определяет способ производства «третьей волны» как «демассификация», самой же «третьей волной» автор обозначает тот этап цивилизации, на котором возникает способ производства, кардинально изменяющий характер занятости (в соответствии с новыми принципами и ресурсами сегменты власти и управления распределены иначе). О специфике сформировавшихся в контексте трансформаций третьей волны новой культуры и новой экономики знаний пишет П.Н. Рвалов: «е принципы предполагают вознаграждение за умение обращаться с символами, образами и абстракциями, за способность говорить и мыслить логично и за другие способности, которые ранее были не столь необходимы и в наименьшей степени вознаграждались. Новая экономика предполагает вознаграждение за познавательные способности и образование, вознаграждение за способность к быстрому приспособлению и изменениям; гибкие способны работать более чем на одного босса и, может быть, даже одновременно выступать в роли босса. Экономике знания нужны те, кто может, не имея навыков в одной пожизненной специальности,

обладать опытом в нескольких различных сферах, кто способен перемещать идеи из одной сферы в другую, – новой экономике нужны предприимчивые и креативные» [5, с. 47].

П. Друкер, назвавший знание основным экономическим ресурсом [6], дополняет эту характеристику тем, что оно превращается в условиях новой экономики в материал креативности. Инновация создается креативным классом посредством знания и обретает в этих условиях статус «креативного разрушителя» [7]. Предвидя наступление трансрыночной цивилизации, О. Тоффлер [3] пишет о трансформации природы собственности. Информация превращена в мощный производственный фактор, создающий капитал. И если ранее ресурсом был капитал, то в информационную эпоху роль ресурсов исполняют информация и интеллект. Возникли понятия «информационная собственность», «интеллектуальная собственность». Сила, богатство и знание «...могут использоваться на любом уровне социальной жизни – как в бытовых отношениях, так и на политической арене. Каждый фактор сообщает власти определенное качество. Сила или угроза применения силы способны лишь на грубое принуждение, лишены гибкости, функционально ограничены и свойственны власти низкого качества. Власть среднего качества основана на богатстве и имеет в распоряжении как негативные, так и позитивные средства стимулирования. Высшее качество и наибольшую активность придают власти знания, они позволяют достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников» [8, с. 24].

Д. Белл и О. Тоффлер [4, 8, 9] связали в своих футурологических прогнозах понятия «смещение власти», «сдвиг власти» с новыми формами власти и управления в когнитивном обществе. По-новому заявили о себе в проектах футурологов и субъекты власти и управления. Так, термин «оверстрат» был создан в сегменте социологического знания для обозначения нового слоя управленческого звена как креативного класса – тех, кто формирует будущее [10]. Знание и информация были отнесены к совокупности доминирующих ресурсов стратегического уровня, что обусловлено новым статусом знания.

Конститутивной характеристикой общества знания, той характеристикой, которая цементирует весь ряд свойств и качеств, присущих обществу знания, является процесс превращения знания в информацию. Д. Белл описывает роль знания в постиндустриальную эпоху как форму социальных инвестиций, получивших стоимостную оценку в системе рынка: «знание – это то, что объективно известно, это интеллектуальная собственность, принадлежащая определенному лицу или группе лиц и удостоверяемая авторским правом или какой-либо другой формой социального познания (скажем, публикацией). Это знание оплачивается – на основе времени, затраченного на исследование и изложение его результатов, и расходов, связанных с его распространением и передачей при обучении, Знание подвержено оценкам со стороны рынка, высших административных и политических должностных лиц или равных им по положению людей, которые могут высказывать суждения в отношении как ценности результатов, так и обоснованности претензий на ресурсы, когда таковые предъявляются. В этом смысле знание – составная часть социальных инвестиций; оно представляет собой законченное изложение чего-либо в форме книги, статьи или даже компьютерной программы, записанной на бумагу или магнитную ленту с целью передачи, и подвержено грубой качественной оценке» [9, с. 32].

Д. Белл приводит различные интерпретации информации: мера неопределенности, устраняемая посредством сообщения; данные, по отношению к которым возможна компиляция, обработка, представление в различных формах. Анализируя проблему представления знания и информации (knowledge representation), исследователи обращаются к таким формам как семантические сети, фреймы, сценарии, концептуальные схемы. В рамках коммуникационного маркетинга информация интерпретируется в качестве содержания сообщения. Таким образом трактуемые подходы к феномену информации базируются на представлении о том,

что доминирующим способом существования информации выступают коммуникативные процессы. Существует и так называемый информационный подход, в пределах которого знание объясняется как локальное понятие, которым владеет индивид (А.В. Чугунов, С.Б. Шитов, С.Е. Ячин) [11–13]. Иная трактовка знания представлена у Д.У. Делонга и Т. Дейвенпорта [14], которые считают, что информация не всегда содержит знание, но знание всегда содержит конструктив. При сравнении обозначенных позиций стоит отметить следующее: информация конкретна, в то время как знание в обобщенной форме включает причинно-следственные связи и отношения; знание – это форма для представляемой информации. Есть, однако, одна закономерность: ее смысл в том, что количественный рост информационных массивов автоматически не может привести к расширению познавательных границ. Рассел Акофф, обращаясь к методологии системного подхода, вводит схему отношений «данные-информация-знание-понимание-мудрость». «Движение информации, – пишет Р. Акофф, – осуществляется путем получения первичных данных и их упорядочения относительно того или иного аспекта, в результате чего растет понимание связей и структуры рассматриваемого явления. Знание затем формируется в своего рода шаблон. Высшая степень знания связана с обобщением шаблонов и выявлением заложенных в них системных принципов. Возникает видение данного процесса в более общей системе деятельности и явлений, раздвигаются границы оценки эффективности получаемых результатов, что способно коренным образом повлиять на цели и мотивы деятельности субъектов» [15, с. 30].

Автор считает, что получаемое знание, заложенное в тех или иных артефактах, образцах поведения, «...может быть раскрыто квалифицированным пользователям, это обстоятельство в сфере современной экономики и бизнеса вызывает культурный резонанс в форме такого явления, которое здесь называется ретроспективным инжинирингом. Однако в большинстве случаев это знание не может быть раскрыто во всех своих деталях. Достаточно того, что сам объект как целое формирует у потребителя особое знание, связанное с возможностями его использования» [16, с. 31].

В качестве форм существования знания можно выделить знание индивидуальное, модифицированное, объективированное. Индивидуальное знание опосредует отношение человека и мира, их взаимодействие. Эти понятия воплощены в модели действительности (декларативное знание) и алгоритмах действий (изменения, ноу-хау). В моделях используется модифицированные знания (знаки, символы). Форма представления объективированного знания – интеллектуальные модели. Вновь обратившись к схеме-цепи, предложенной Р. Акоффом [15, 16], отметим, что данные в ней интерпретированы как неупорядоченные символы, данные внеконтекстны; информация выделена, обработана; в знании фиксируются сущностные связи, которые используются в решениях, действиях.

Общество знания сделало актуальным вопрос о новом статусе знания. Оно превратилось в ресурс управления, что предопределило переход знания, ранее используемого в сегментах государственного политического управления, в среду социальной инфраструктуры.

О. Тоффлер (свою футурологическую версию-прогноз он охарактеризовал как практическую «практопию» – практическую утопию) интерпретирует социальные модернизационные трансформации через представленные системы этих трансформаций в их органичном соединении с новой ролью знания в цивилизации «третьей волны» [9]. В концепции футуролога профессионалы усматривают монополию на знание, а использование интеллектуальных технологий формирует новый способ создания и получения общественного богатства. В сегменте власти и управления также происходит переструктурирование взаимосвязей, которое О. Тоффлер уподобляет смещению и разрушению тектонических пластов, относя кардинальные изменения, происходящие в природе власти и управления, к редким явлениям социальной истории. Знание отнесено к «культурным источникам» власти и управления. Как «культурный источник» знание обладает такими характеристиками, которые позволяют использо-

вать его в качестве мощного ресурса (бесконечность, демократичность, общедоступность, способность подчинить силу и богатство, а также изменить специфику экономической системы, применяющей информационные технологии «третьей волны» в момент перехода к массовому производству и массовому потреблению). Радикально трансформировался и способ реализации принципов властных и управленческих отношений, осуществился переход от отношений «господства–подчинения» к управлению и власти. Подобная ситуация зависит от распространения информации, идей, символов, отсюда и то название, которое дает О. Тоффлер возникающей экономической системе: это система «суперсимволическая». В цивилизации «третьей волны» контроль над информацией дает право реальной власти в экономической, политической, управленческой сферах. Информация, став гарантом извлечения прибыли, ушла из сферы производства. Так была создана сложнейшая информационная система.

О. Тоффлер, концептуализируя идею «сдвига», происходящего в постиндустриальную эпоху в сегментах власти и управления, использует понятие «ключи» власти и управления. Их состав масштабен и многолик: это система массовых коммуникаций, пронизывающих организационную структуру; это то образование и квалификация, которые влияют на рабочую силу; это система знаний, характеризующая организационную структуру фирмы. Всем участвующим в производственных процессах нужны знания: предприниматели нуждаются в знаниях менеджеров, в свою очередь менеджеры нуждаются в знаниях служащих. В целом это говорит о том, что принятое в индустриальном обществе разделение персонала на «головы» и «руки» утрачено.

Цена обучения характеризуется широким доступом к информации, высокий образовательный уровень соответствует более демократической организации производственного процесса. Возникает и иная социальная реальность, ориентированная на иные, отличные от индустриального общества идеалы. В то время как идеал индустриального общества – ассимиляция и гомогенность, для общества постиндустриального таким идеалом становится разнообразие и неоднородность [17–19]. При этом акцент делается на коммуникативную природу нового общества, что не исключает утраты единого центра, о чем пишут М.А. Буйвол [17], В. Росман [20], А.П. Чубик [21].

О чем идет речь? Идея утраты центра изложена первоначально в работах В. Росмана [20], где автор излагает концепцию *Axis-Mundi* (центра мира). В традиционных цивилизациях космический и социальный порядок интерпретируется, исходя из представления о центре мира. Это идеологема центра, метафора культуры и социальности. Идеологема центра является средством создания баланса и гармонии всех сил: это силы политические, религиозные, эстетические. Идеологема центра была средством поддержания общественного баланса, равновесия – утрата центра вела к утрате гармонии, устойчивости.

В исследовании А.П. Чубик дана интересная интерпретация центра в разных культурных и социальных традициях. «В культурной традиции Греции роль такого центра играл театр – он находился в центре города, его пространство первоначально было храмом, пространство театра было сакральным пространством («театрон» – греч., от «теос» – бог и «тронос» – престол, местопребывание, местонахождение). Центром мира для евреев считался иерусалимский Храм, но в диаспоре центром мира стала книга. Именно она рождала жизнь, буквы предсуществовали физическому миру. Лишь книжное бытие принималось в качестве истинного. Книга в представлении евреев – дом, родина, литература, в книге открывается смысл общения с высшими сферами бытия. Эти сферы – (сэфер) – также Книга. Евреи в диаспоре воздвигли грандиозное знание Книги, создали комментарии Книги как башни или тройчатые коридоры Храма. Замещая Бога, Книга священна, Книга Книг – образ мира, а сам мир читается и интерпретируется как книга [21, с. 47].

Эпоха постмодернизма, характерными чертами которой явились полицентричность, маргинальность, периферийность, утратила идеологему центра; пространство культуры, как и

пространство социальности, было интерпретировано как ацентричное, лишенное центра [22–24]. Таким же образом характеризуется и власть этой эпохи: она ацентрична, в ней нет иерархии, структуры власти описаны аналитиками как распыленные, в них нет суверена, и эта власть вездесуща; ее модулем является самораскрытие.

Глобальная сеть, интенсифицировав коммуникативные процессы, трансформировала и основания, на которые ориентировано в своей системности социальное пространство. Н. Думай в 1990 г. писал о явлении функциональной дифференциации и центробежности социальных процессов, что лишило общество «вершины и центра». В. Россман же постулирует потребность в центре, «инстинкте сакрального центра». Он полагает, что сакральный опыт прошлого сохраняет свое значение; древние культуры, используя механизмы мистических религий, возвращали членов общины в центр, освобождая их от отчуждения и одиночества. В. Россман считает центром современной культуры экран. Он формирует культуру «около» (экраны кинотеатров, компьютеров, игровых автоматов, мобильных телефонов – мир «около» экрана). Вместе с тем, выступая в роли символа коммуникативных связей и отношений, экран «...не предполагает никакой субстанциональной или содержательной характеристик культуры. Он открывает доступ к различным центрам – и в этом смысле современная цивилизация, если о таковой можно говорить, полицентрична. Но старинные сакральные центры утрачивают всю свою метафизику и трансцендентность. В традиционных цивилизациях центр открывал дорогу на небо, будучи вертикалью восхождения. В современной цивилизации небо удалилось от нас настолько далеко, что даже понимание статуса этих центров и самой концепции центра мира требует от современного человека значительного усилия. Ведь там, где полицентризм, нет больше круговращения по единым орбитам, нет ощущения сакральности. Современная культура – это не культура-вокруг, а культура-около, не культура, взвизгивающая на центр из хоровода, где каждый черпает все свои перспективы, а культура, подсматривающая и оглядывающаяся из статической точки на свои центры» [25, с. 57].

Полицентричность – это не культура-вокруг, но культура-около. Сравнивая ее с ранними культурами, в которых существование центра было очевидным, В. Россман делает вывод об утрате культурной и важной социальной функции: «Помимо культовой и ритуальной, мифологема центра выполняла в культурах также важную социальную функцию. Центр служил тем элементом, который собирал вокруг себя членов сообщества, определял формы общения, взаимодействия, социального обмена. Ритуалы центра способствовали снятию напряжения между различными полюсами культуры и включали в себя символы общественного единения и священного брака. Статус человека в значительной степени определялся дистанцией и отношением к центру в социальном пространстве. Центр также представлял собой критическую модель самоидентификации. В нем аккумулировались духовные устремления носителей традиции, их доминирующее отношение к миру» [25, с. 42].

В постмодернистской культуре и социальности исчезновение единого центра ведет к изменению характера власти и управления. И власть, и управление уже не определены спецификой центра, единого и устойчивого по своей природе и сути: центр, формирующий административные декларации, превращен в неповоротливую макроструктуру власти и управления. Эта макроструктура не способна «схватывать» спонтанно возникающие коммуникации, и это с закономерностью естественного процесса приводит к «рассеиванию» власти, к ее переходу на эмпирический, повседневный, «низовой» уровень – явление, нашедшее отражение в термине «микрофизика» власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. – 2019. – Т. 30. – № 1. – С. 102–124.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 261 с.

4. Тоффлер Э. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М.: ИНИОН, 1991. – 32 с.
5. Рвалов П.Н. Конститутивные характеристики и статус информационной власти: контекст медиасферы когнитивного общества: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2019. – 138 с.
6. Друкер П. Эра социальных трансформаций. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (дата обращения 15.02.2024).
7. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 2012. – 288 с.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.
9. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
11. Чугунов А.В. Модель общества знания и ее инварианты // Общество знания: от идеи к практике. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знания. – СПб.: Скифия-принт, 2008. – С. 60–98.
12. Шитов С.Б. От информационного общества к обществу знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (9). – С. 198–200.
13. Ячин С.Е., Смирнова М.Ю. От экспертных к эпистемическим сообществам: к трансформации институциональных рамок власти знания в современном мире // Информационное общество. – 2012. – № 3. – С. 39–48.
14. Делонг Д.У., Дейвенпорт Т. Эффективные методы сохранения знаний в организациях: передовой опыт. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 293–311.
15. Акофф Р. Искусство решения проблем. – М.: Мир, 1982. – 224 с.
16. Акофф Р. Системы, организации и междисциплинарные исследования. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6412?ysclid=ixfnt2cdup502122636> (дата обращения 15.02.2024).
17. Буйвол М.А. Власть знания в информационном обществе: от гносеологической к социокультурной интерпретации: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2005. – 154 с.
18. Буйвол М.А. Становление информационного сектора экономики в пространстве постиндустриальной формации // Актуальные проблемы социальной философии: труды региональной научно-практической конференции, Томск, 28–29 октября 2004 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004. – С. 102–103.
19. Буйвол М.А. Природа власти в информационном обществе // Актуальные проблемы социальной философии: труды региональной научно-практической конференции, Томск, 28–29 октября 2004 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2004. – С. 11–13.
20. Россман В.И. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 42–57. EDN: IPKOON.
21. Чубик А.П. Технологический характер СМИ в условиях коммуникативной культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2009. – 137 с.
22. Гваттари Ф., Делёз Ж. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
23. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Альманах «Восток». URL: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения 15.02.2024).
24. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Праксис, 2002. – 320 с.
25. Россман В. В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы. – М.: ИД ВШЭ, 2013. – 288 с.

Информация об авторах

Григорий Вадимович Смолонский, аспирант Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; SGV-070@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.03.2024

Поступила после рецензирования: 25.06.2024

Принята к публикации: 30.06.2024

REFERENCES

1. Lektorsky V.A., Trufanova E.O. Constructivism in epistemology and human sciences. *Man*, 2019, vol. 30, no. 1, pp. 102–124. (In Russ.)
2. Toffler E. *Future shock*. Moscow, АСТ Publ., 2002. 557 p. (In Russ.)

3. Toffler E. *The Third Wave*. Moscow, ACT Publ., 2004. 261p. (In Russ.)
4. Toffler E. *Shifting power: knowledge, wealth and coercion on the threshold of the 21st century*. Moscow, INION Publ., 1991. 32 p. (In Russ.)
5. Rvalov P.N. *Constitutive characteristics and status of information power: the context of the media sphere of cognitive society*. Cand. Diss. Tomsk, 2019. 138 p. (In Russ.)
6. Drucker P. *The era of social transformations*. (In Russ.) Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2506> (accessed 15 February 2024).
7. Schumpeter J. *Theory of economic development*. Moscow, Progress Publ., 2012. 288 p. (In Russ.)
8. Toffler E. *Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and power on the threshold of the 21st century*. Moscow, AST Publ., 2003. 669 p. (In Russ.)
9. Bell D. Social framework of the information society. *New technocratic wave in the West*. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 330–342. (In Russ.)
10. Florida R. *Creative class: people who create the future*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)
11. Chugunov A.V. Model of the knowledge society and its invariants. *Knowledge society: from idea to practice. Part 1. Basic outlines of the concept of a knowledge society*. St. Petersburg, Skifia-print, 2008. pp. 60–98. (In Russ.)
12. Shitov S.B. From the information society to the knowledge society. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2011, no. 3 (9), pp. 198–200. (In Russ.)
13. Yachin S.E., Smirnova M.Yu. From expert to epistemic communities: towards the transformation of the institutional framework of knowledge power in the modern world. *Information Society*, 2012, no. 3, pp. 39–48. (In Russ.)
14. DeLong D.W., Davenport T. Effective methods of knowledge preservation in organizations: best practices. *Knowledge Management*. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 293–311. (In Russ.)
15. Ackoff R. *The art of problem solving*. Moscow, Mir Publ., 1982. 224 p. (In Russ.)
16. Ackoff R. *Systems, organizations and interdisciplinary research*. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/6412?ysclid=ixfnt2cdup502122636> (accessed 15 February 2024).
17. Buyvol M.A. *The power of knowledge in the information society: from epistemological to sociocultural interpretation*. Cand. Diss. Tomsk, 2005. 154 p. (In Russ.)
18. Buyvol M.A. Formation of the information sector of the economy in the space of the post-industrial formation. *Current problems of social philosophy. Proc. of the regional scientific and practical conference*. Tomsk, October 28–29, 2004. Tomsk, TPU Publ. House, 2004. pp. 102–103. (In Russ.)
19. Buyvol M.A. The nature of power in the information society. *Proceedings of the regional scientific and practical conference, Current problems of social philosophy*. Tomsk, October 28–29, 2004. Tomsk, TPU Publ. House, 2004. pp. 11–13. (In Russ.)
20. Rossman V.I. The mystery of the center: identity and organization of social space in modern and traditional societies. *Questions of Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 42–57. (In Russ.) EDN: IPKOON.
21. Chubik A.P. *Technological nature of the media in conditions of communicative culture*. Cand. Diss. Tomsk, 2009. 137 p. (In Russ.)
22. Guattari F., Deleuze J. *What is philosophy?* Moscow, Academic Project Publ., 2009. 261 p. (In Russ.)
23. Deleuze J., Guattari F. Rizoma. *Almanac "East"*. (In Russ.) Available at: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed 15 February 2024).
24. Foucault M. *Intellectuals and power*. Moscow, Praxis Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
25. Rossman V. *In search of the Fourth Rome: Russian debates about the transfer of the capital*. Moscow, HSE Publ. House, 2013. 288 p. (In Russ.)

Information about the authors

Grigory V. Smolonsky, Applicant, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; SGV-070@yandex.ru

Received: 15.03.2024

Revised: 20.06.2024

Accepted: 30.06.2024